

Королевич С.А.

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО АНТРОПОНИМИКОНА В ЗЕРКАЛЕ ЛЕТОПИСНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются особенности состава, структуры и функционирования собственных именованных лиц в древнерусском летописном дискурсе. На основе анализа антропонимикона оригинальных летописных текстов XI–XVII вв. устанавливаются виды антропонимов на разных исторических этапах, их генетические пласты, связанные со сменой антропонимических систем. Выявляются предпосылки зарождения, особенности оформления и распространения русских отчеств и фамилий; рассматриваются начальные стадии появления специфических антропонимических комплексов в летописном дискурсе; анализируются способы обеспечения основных антропонимических функций на разных этапах развития антропонимикона. Определяются исторические факторы, обуславливающие прагматические характеристики именования, описана коннотация некоторых антропонимических формул и форм имен. Обосновывается правомерность использования летописей как источника изучения эволюции русского антропонимикона на начальных этапах его формирования.

Становление и функционирование русского антропонимикона во всем многообразии видов именованных лиц и их комбинаций – необозримая область исследований, так как история складывания сложно структурированной системы именования человека у восточных славян исчисляется более чем тысячелетием, включает смену состава личных имён на разных исторических этапах; появление новых видов именования; оформление специфических именуемых комплексов (формул); формирование новых антропонимических функций и мн. др. Столь же необозримы источники изучения антропонимов как в современном их состоянии, так и в исторической перспективе.

Материал для антропонимических исследований в диахроническом аспекте обычно составляет деловая письменность различных эпох. И. А. Королёва подчёркивает, что «именно памятники делового письма, созданные на разных территориях русского государства, содержат в силу своей языковой и экстралингвистической специфики богатейший антропонимический материал» [1, с. 10]. Однако при диахроническом изучении русского антропонимикона особого внимания заслуживают, на наш взгляд, и русские летописи. Как памятники с синкретичным содержанием, они тоже включают документальные фрагменты, в том числе и все виды имён человека; при этом летописи нередко выступают единственным свидетельством фиксации тех или иных антропонимов в истории русского языка. Кроме этого, русское летописание охватывает XI–XVII вв. и позволяет исследовать антропонимический материал в разных хронологических рамках. Наконец, ценность летописных текстов как источников материала для изучения эволюции собственных именованных лиц обусловлена их «погруженностью в жизнь». Заметим, что имеется в виду не непосредственное участие читателя в ситуации общения, а опосредованное, через автора, благодаря которому летописи имеют явно выраженное социальное содержание, отражают идеологию, культуру, этикет отдалённого времени, а также оценки и эмоции летописца, находящие отклик у адресата. Исследователи подчеркивают, что «именно летописи испытывали существенное влияние реальной действительности, в них заключалась мощная основа развития русской национальной культуры в целом и русского литературного языка в частности» [2, с. 516].

Анализ содержания «Повести временных лет» (XI–XII вв.), летописных повестей о монголо-татарском нашествии, о разорении Рязани Батыем (XIII в.), о Куликовской битве (XIV в.), о набегах на Русь ордынских князей (конец XIV – начало XV вв.), о походе Ивана III на Новгород (конец XV в.), «Псковской летописной повести о Смутном

времени» (начало XVII в.) даёт возможность констатировать, что для летописей достаточно отчётливо идентифицируются такие отличительные черты языковой личности их создателей, как отражение языкового сознания эпохи, знаний летописца о мире (когнитивный уровень); социальная позиция составителя летописи, подчинённость определенной идеологии (мотивационный уровень), а также следование литературному этикету и речевым образцам своего времени (вербально-смысловой уровень). Это позволяет квалифицировать тексты летописей как летописный дискурс.

Не отрицая правомерности существования в современной лингвистике разных подходов к определению дискурса и многочисленных трактовок соотношения понятий «дискурс» и «текст», мы принимаем как оптимальный вывод, учитывающий отражение в дискурсе всех структурных уровней языковой личности говорящего / пишущего: «природа дискурса тройственна: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым ситуациям общения, другая – к процессам, происходящим в сознании участников общения, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту» [3, с. 33]. Именно это триединство, на наш взгляд, дает право говорить и о летописном дискурсе. И хотя существует мнение, что к древним текстам понятие дискурса неприменимо из-за невозможности восстановить связи текста с социальной ситуацией [4, с. 120], полагаем, что это мнение не исключает возможности рассматривать летописный текст как фиксацию динамического процесса языковой деятельности, вписанной в социальный контекст, и позволяет дефинировать текст летописи как «свернутый» дискурс». Иногда исследователи называют представленную в летописном тексте коммуникативную ситуацию повествования – нарратив – «неполноценной» [5, с. 34], поскольку вместо говорящего и слушающего здесь выступают повествователь и читатель, а последний может быть каждый раз новым. Однако летописный текст не только неизменно содержит информацию об условиях и особенностях употребления в речи языкового знака, в том числе наименования лица, на предыдущих этапах развития общества, но обязательно ориентирован автором на адресата своего времени, на уровень его восприятия и понимания, рассчитан на соответствующую оценку событий и лиц. Как имена и факты в летописи отбираются из реальной жизни, так и языковой знак в тексте служит отражению реальности на уровне, доступном автору и читателю.

Реальное состояние именослова Древней Руси на начальном этапе развития запечатлено в «Повести временных лет» (ПВЛ). Для его состава характерна генетическая разнородность, объективно обусловленная сосуществованием в древнерусском языке старшего периода нескольких антропонимических систем. Древнейший генетический пласт включает языческие славянские имена, 1) мотивированные апеллятивами – названиями животных или растений, что было обычным для древних славян, обожествлявших природу (*Лыбедь* ‘лебедь’, *Турь*, *Поръй*), или номинациями предметов (*Кий*); 2) характеризующие внешние признаки человека (*Маль* – деревлянский князь; дети князя *Малькъ*, *Малуша*); его психологические черты (*Лють*, *Добрыня*); возможно, особенности поведения (*Блудь*); происхождение человека (*Варяшко* – из варягов, *Ляшко* – из поляков (ляхов); *Торчинь* – из торков, *Чюдинь* – из финно-угорского племени *чудь* [6, с. 42]. К названному пласту антропонимов в ПВЛ примыкают более поздние восточнославянские имена, восходящие к морфологическим дериватам от глаголов (*Володарь* ← *володѣти*, *Нерадецъ*, *Радко* ← *радити*), существительных (*Славята* ← *слава*, *Нежата* ← *нега*, *Путята*, *Путша* ← *путь*) и прилагательных (*Гордята* ← *гордый*)).

Однако характерной чертой летописного дискурса в древнерусском языке старшей поры является преимущественное изображение князей. Общерусское летописание (а именно оно представлено в «Повести временных лет») велось в строгом соответствии с требованиями стиля монументального историзма, который, по утверждению Д. С. Лихачева, «сильнейшим образом сказался в литературе XI–XIII вв.» [7, с. 25].

В числе этих требований – историчность, стремление отметить самое значимое. Строго следуя государственной политической идеологии, летописец изображает главными вершителями истории русских князей. Поэтому самый обширный пласт антропонимов в «Повести...» составляют исконно славянские двухосновные княжеские имена, имеющие панславянское распространение: они называют здесь не только восточных славян, но и князей южно- и западнославянских территорий. Наиболее частотные и древние среди них – это имена на –слав (17 антропонимов): *Брячиславъ, Володиславъ, Воротилавъ, Всъславъ, Вышеславъ, Жирославъ* (в структуре патронима *Жирославичъ*) и др. Модели с таким корнем есть и среди женских имен: *Передслава, Сбыслава*. Отмечены также имена с основами –мир (*Остромиръ, Творимиръ*); –волод (*Всъволодъ, Рогволодъ*), –полк (*Ярополкъ, Святополкъ*). Зафиксировано единичное имя *Ратиборъ*.

Еще один пласт антропонимов в древнейшей летописи – «русские» имена (*Рюрикъ, Ольга, Олегъ, Игорь, Аскольдъ, Диръ, Свънелдъ, Асмудъ* и др.), особенно разнообразно представленные в договорах русских с греками: «*Мы от рода рускаго Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ ...*» (ПВЛ, 46). Такие имена имеют явный иноязычный характер, но их наличие в летописи, излагающей историю складывания Руси, – объективное отражение реальных именовании знатных воинов германско-скандинавского происхождения, которые были частью древнерусского социума. Об этом в своё время писал В. О. Ключевский, указывая на развитие этнонима *русь* как слова, пережившего ряд значений: 1) этнографическое: *русь* – скандинавское племя; 2) социальное: *русь* – сословие военной аристократии, 3) географическое: *Русь* – область и 4) политическое: *Русь* – государственная территория» [8, с. 120–124]. Гипотеза В. О. Ключевского поддерживается современными исследователями [9, с. 151–155].

Пласт канонических имен в «Повести временных лет», в числе которых есть антропонимы греческого (*Александръ, Андрѣй, Василий, Феодоръ* и мн. др.), древнееврейского (*Иоаннъ, Гавриилъ, Давидъ*) и латинского (*Павель, Сергий, Дамьянъ*) происхождения, в древнейших погодных записях летописи используется, как правило, для номинации священнослужителей высшего ранга (*митрополит Георгии, епископ Петръ, игумень Феодосий* и др.), или святых (*церкве святаго Василия, святая Софья*), или иностранных правителей («цари греческие» *Роман, Костянтин, Стефан* (ПВЛ, 60)). По отношению к восточным славянам христианские имена до последних десятилетий XI в. почти не отмечены. Единичное греческое имя в восточнославянской огласовке *Олена (Елена)* фиксируется под 955 годом для княгини Ольги (ПВЛ, 74); под 1033 г. упоминается антропоним *Еустафий* (Евстафий) рано умершего сына князя Мстислава, династическое славянское имя которого в летописи отсутствует: *Мстиславичъ Еустафий умре*» (ПВЛ, 164). Однако на рубеже XI–XII вв. сфера использования канонических имён расширяется: крещение Руси произошло более ста лет назад, и такие имена уже могли быть приняты любым христианином. В ПВЛ их носителями выступают и представители княжеских семей (*Давидъ, Василько, Юрьга (Юрий / Георгий)*), и менее знатные лица (*Лазаръ, Василь, Дьмитръ, Иванко*). В языке восточных славян идёт активная адаптация христианских имён, появляются вариантные формы, многие из которых представлены и в ПВЛ, сравним: *Иоаннъ – Иванъ, Иванко, Янь, Янь; Георгий – Юрий, Гюргя, Гюрята, Гурата; Константин, Костянтинъ, Коснятинъ, Коснячко*.

Генетическая разнородность русского ономастикона в летописном дискурсе сохраняется и в последующие века, однако, как и в языке в целом, изменяется соотношение имён разной этимологии. Постепенно сокращается использование языческих антропонимов-апеллятивов: в рассматриваемых текстах XIII в. их репрезентантами изредка выступают люди с низким социальным статусом или отрицательные герои: слуга *Торопъ* (ТЛ, 150), воин *Дорожь* (ТЛ, 166), воевода-изменник *Плоския* (ТЛ, 158); в тексте XIV в. отмечено неканоническое имя положительного героя *Пересвѣтъ*, но оно

употребляется уже в сочетании с христианским *Александръ* (Кул., 124); повести конца XV в. сохранили изолированный антропоним *Мигун* (от *мигати*), тоже называющий слугу одного из воевод (Моск., 394), имя изменника-новгородца *Упадыш* (от *упасти*) (Новг., 406) и даже имя княжеского сына: *Хрипун князь Семенов сынъ Ряполовского* (СЛС, 434); в Псковской повести о Смутном времени упоминается дьяк *Крик Тенкин* (Смут., 148). Однако языческие антропонимы начиная с XIII в. чаще функционируют при христианских именах как прозвища: *Иван Федорович Посник* (ТЛ, 198); *Еупатий Коловратъ* (Ряз., 190); *Иван Микитинъ Жито* (Моск., 388); *Еремъй Сухощекъ* (Моск., 394); *Василей Иванович Жук Лыков* (СЛС, 420) и др. Факт трансформации языческих имён в прозвища, которые в истории ономастикона позже могли стать основой для образования фамилий, установлен для древнерусского языка в целом и датируется XV–XVII вв. [10, с. 29]. Образование личных имён, мотивированных апеллятивами, несмотря на спорадическое их использование даже в летописях, в этот период, очевидно, становится крайне редким в связи с «экспансией» канонических личных антропонимов.

По этой же причине постепенно сужается состав двухосновных княжеских мирских имён. В текстах XIII в. их явно меньше по сравнению с христианскими. Носителями славянских имен являются в основном князья (*Ярославъ, Святославъ, Изяславъ, Владимиръ, Всеволодъ* и др.), реже бояре (*Ратиборъ*), воеводы (*Жирославъ, Держикрай*) или их предки (имена *Володиславъ, Ростиславъ, Водиславъ* и *Домажиръ* отмечены в структуре патронимов). Однако их функционирование всё ещё носит активный характер, отражая продолжение традиций имянаречения, связанных с культом рода: двухосновные княжеские имена – это прежде всего имена династические, передающиеся через поколение. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский объясняют консервативность династических традиций княжеского дома так: «... Должно было пройти не одно столетие, прежде чем христианские имена, поначалу никак не связанные с миром княжеских предков, могли сделаться родовыми» [11, с. 11]. В результате на протяжении нескольких веков в социальном поле княжеских имён концентрировалась небольшая (около 10 единиц) группа двухосновных мирских антропонимов, многократно используемая для именования князей. Например, в исследуемых текстах XIII в. репрезентантами двухосновных имён выступают более 30 князей удельной Руси и их предков.

В летописных повестях, созданных в последующие века, мирских славянских имён уже почти нет. Исключением можно было бы считать имя *Володимеръ*, отмеченное в тексте конца XV в: *князь посла <...> Володимера Андръевича Зворыкина* (СЛС, 416), *Того же лета Владимир Григорьевич Ховрин <...> постави церковь* (СЛС, 424); однако к XIV в. это имя уже вошло в христианский именослов, так как Владимир Святославич был канонизирован после победы Александра Невского в 1240 г.

Из пласта «русских» антропонимов скандинавского происхождения в антропонимиконе летописей XIII–XVII вв. сохраняются лишь имена *Ингварь / Ингорь, Игорь*, восходящие к др.-сканд. *ingwarr* ‘младший’; *Олег, Ольга, Рюрик*. Имя *Ингварь / Ингорь* фиксируется в летописной «Повести о разорении Рязани Батыем» XIII в. (*Ингорь Святославичъ* (Ряз., 184); *Ингварь Ингоревич* (Ряз., 190)); хотя было известно и ранее. В позднейших из рассматриваемых текстов оно отсутствует, но, по свидетельству историков, использовалось в черниговско-рязанской ветви князей как династическое имя [11, с. 65]. Непродуктивным оказалось и имя легендарного основателя династии русских правителей – *Рюрик*. В ПВЛ, кроме него, так называют *Рюрика Ростиславича*, внука Владимира: под 1092 г. сообщается, что «умре *Рюрикъ, сынъ Ростиславль*» (ПВЛ, 226). Имя *Рюрик* не закрепилось в русском именослове, хотя осталось известным благодаря патрониму *Рюриковичи*. Антропоним *Олег* занимал в летописном дискурсе более стабильные позиции: его репрезентантами в текстах XIV в. выступают реальные лица: *князь Олег* (Вож., с. 94); *Олег Иванович, князь Рязанский* (Кул., 112).

С XIII в. в центре ономастикона летописных повестей ожидаемо оказываются христианские канонические имена (в изученных текстах этого времени их более 50), уже занявшие стабильные позиции и в общем русском антропонимиконе. Их носителями выступают князья (*Иванъ, Александръ, Костантинъ, Василий, Давидъ* и др.), их воеводы (*Еремей, Филип, Петръ, Яким*), воины (*Андрьянъ, Александръ*), священнослужители (*Мефодий, Митрофан, Кирил, Перфурий (Порфирий)*) и др. Продолжается активная адаптация христианских имён, и об этом говорит не только обилие фонетических вариантов (*Офонасий / Афанасий; Федоръ / Феодор* и мн. др.), отмеченное даже в именах святых (св. *Иулиана / Ульяна, Еремиа / Еремеи; Семеонъ / Симеон* и др.), но и образование на их основе патронимов (*Костатинович, Гаврилович, Дмитриевич, Юрьевич, Романович*), фиксация уменьшительных и областных форм (*Тимоня, Юрята, Иванко, Янь, Василко, Всеволодко*). Поскольку канонические имена не имеют социальной закреплённости, то уточнение социального статуса имяносителя в летописном тексте обеспечивается контекстом: *убиша <...> храбраго Юряту, о семь велми опечалися князь великий Юрий* (ТЛ, 150); *воевода Юрий Домаръчичъ* (ТЛ, 156) и др.

В летописном дискурсе XIV–XVII вв. канонические имена становятся не только преобладающими, но и вполне «своими», привычными. Показательно в этом плане именование на русский манер «фрягов» – итальянцев из Венеции Антонио Джислярди и Джана Батиста де ле Вольпе [12, с. 635] – *Онтон Фрязин, Иван Фрязин Волпъ* (Моск, 400). Начиная с XIV в., как показывает анализ эмпирического материала, христианские имена уже не конкурируют с языческими.

Однако столь интенсивное вытеснение древних языческих антропонимов-апеллятивов и княжеских двухосновных имён христианскими именами следует считать специфической особенностью летописного дискурса. Составители летописей последовательно апеллируют к читателю с точки зрения христианской идеологии и, в соответствии с литературным этикетом своего времени, выносят на первый план христианские имена исторических деятелей. Исследователи же эволюции русского антропонимикона в целом подчеркивают, что языческие имена функционировали дольше, вплоть до XVI в. [6, с. 46], а традиция использования двухосновных антропонимов не прервалась до наших дней. В связи с этим примечателен пример из Московской летописной повести 1471 г. о походе Ивана III на Новгород: в геральдической речи царь называет и каноническое и династическое имя князя: *от того Рюрика <...> до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода володимерьского...* (Моск., 380).

Изменение антропонимикона летописей в процессе становления христианской системы именованья не ограничивалось количественными сдвигами в генетической стратификации имён. Летописный дискурс отражает иные преобразования в именованье летописей как «системе, которая изменялась в связи с социальными потребностями общества» [2, с. 515]. Главным требованием социума к имени является способность последнего реализовать необходимые функции. К общим и обязательным (облигаторным) функциям антропонима относятся номинативная, идентификационная и дифференцирующая. В «Повести временных лет» они реализуются преимущественно изолированным именем. Как однословные, даже без идентификаторов социального статуса лица, здесь регулярно выступают двухосновные славянские антропонимы: *Поиде Мстиславъ на Ярослава* (ПВЛ, 162); *У Всеволода родися сынъ* (ПВЛ, 174); *Иде Святославъ на Ростислава* (ПВЛ, 176) и т. п. Эти имена имели в древнерусской культуре жёсткую социальную закреплённость: их репрезентантами были исключительно князья. Появление устойчивой традиции такого имянаречения исследователи относят задолго до прихода канонических имён. М. Морозкин, составитель первого славянского именованья, подчеркивал, что двухосновные имена берут своё начало в эпоху единства славян, а возможно и раньше, так как антропонимы аналогичной структуры фиксиру-

ются у германцев и кельтов: *Valdemar* – *Володимерь*, *Radagast* – *Радогость*, *Vithomer* – *Витомир* и т. п. [13, с. 3–4]. Современный исследователь С. В. Алексеев приводит похожие имена, которые носили князья в славянской Европе VII–VIII вв.: *Радослав*, *Берислав*, *Ратомир*, *Хотимир*, *Войномир* и т. п. [14]).

Древние языческие антропонимы-апеллятивы тоже успешно реализуют обязательные функции номинации, идентификации и дифференциации их носителей, но всякий раз сопровождаются указанием на род занятий именуемых лиц (*Володимерь посла къ Блуду*, *воеводъ Ярополчю* (ПВЛ, 90); *Ярополка вземше отроци на конь <...> Радько*, *Вьнкина* (ПВЛ, 218); на их отношение к князю, объясняющее факт упоминания лица в летописи: *послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путятю*, *Володимерь Орогостя и Ратибора*, *Давыдъ и Олегъ Торчина* (ПВЛ, 266) и т. п. Аналогично функционируют имена варягов-«русов»: *кормилецъ его* [Святослава] *Асмуд*, *воевода Свънелдъ* (ПВЛ, 68); *Иворь*, *солъ Игоревъ* (ПВЛ, 60); кроме того, они участвуют в идентификации называемых лиц по исконной этнической принадлежности.

Однако уже в XII в. система личных имён любой этимологии становится недостаточной для дифференциации имяносителей. Как отмечается выше, для двухосновных княжеских имён была характерна преемственность: они обычно переходили от деда к внукам, что приводило к появлению тёзок среди последних. Появилась специфическая черта княжеского антропонимикона этого времени – повторяемость двухосновных имен «по горизонтали» и «по вертикали». Так, в повестях XIII в. имя *Владимир* называет крестителя Руси, его внука – сына Ярослава Мудрого и правнука, Владимира Мономаха; имя *Мьстиславъ* носит сын Владимира, а также сын, два правнука и праправнук Владимира Мономаха, сын Юрия Долгорукого. Историки указывают, что такая повторяемость возникла в реальной жизни Древней Руси еще в первой половине XII в., когда образовалось около полутора десятков древнерусских княжеств, которые «по мере разветвления княжеского рода дробились на еще более мелкие» [15, с. 103]. Христианские имена характеризовались повторяемостью точно так же, потому что имянаречение изначально было связано с церковным календарем. Наконец, в разные периоды истории были известны люди и с одинаковыми языческими именами. Указанные факторы, очевидно, стали одной из причин, стимулировавших развитие и оформление многокомпонентных формул имени, причём обуславливали необходимость использования дополнительных видов антропонимов прежде всего в летописном дискурсе, так как именно в нём возникла необходимость дифференциации тёзок в самом широком масштабе.

Складывание антропонимических формул в древнерусском языке начиналось с появления патронимов. В летописях они могут оканчиваться на 1) –*ич*, –*евич*, –*ович*, (*Дмитрей Юрьевичъ*, *Александръ Попович*, *Иванъ Всеволодичъ*) и 2) на –*ов*, –*ев*, –*ин* (*Кузма Грузов*, *Яковъ Федоровъ*, *Михаил Скопин*). Мотивация патронимов тоже различалась, они образовывались от имён прозвищного характера или прозвищ (*Дмитрей Монастыревъ* (Вож., 94); *Матвей Селезнев* (Моск., 390); *Тимофъй Шаров* (Смут., 150)); от других личных имён (*Василко Ростиславичъ* (ПВЛ, 248); *Гльбъ Борисович* (ТЛ, 168); *Никита Ларивоно* (Моск., 377); *Кузма Григорьевъ* (Моск., 390) и др.

В древнейших из анализируемых текстов фиксируются схожие с современными отчествами патронимы с суффиксами –*евич*, –*ович*, –*ич*, мотивированные преимущественно личными именами второй группы. Уже с XI в. они начинают употребляться по отношению к тёзкам, имеющим одинаковые имена, мирские (*Мстиславъ Мстиславичъ* (ТЛ, 152), *Мстиславъ Святославичъ* (ТЛ, 154) и *Мьстиславъ Романовичъ* (ТЛ, 152)) и церковные (*Давыдъ Святославичъ* (ПВЛ, 238) и *Давыдъ Игоревичъ* (ПВЛ, 248); *Василко Гаврилович* (ТЛ, 156) и *Василко Константинович* (ТЛ, 166); *Дмитрей Иванович* и *Дмитрей Костянтинович* (Пьян, 88)). Необходимость дифференциации носителей одинаковых антропонимов обуславливает использование «отчеств» даже при редких

языческих именах, сравним: *Володимеръ же посади Добрыню <...> в Новъгородъ* (ПВЛ, 94); *Мстиславъ <...> послаша Добрыню Рагуиловича перед собою* (ПВЛ, с. 246).

Тем не менее, несмотря на формальное совпадение таких патронимов с отчеством, эту форму именования, выполняющую в летописном дискурсе функцию идентификации и дифференциации носителей одинаковых имён, считать отчеством еще нельзя. Слово-полисемант *отчество* известно с XI в., но, согласно лексикографическим источникам, появление в его семантической структуре лексико-семантического варианта 'отчество' датируется лишь первой половиной XVII в. [16, с. 238–239]. Наш эмпирический материал подтверждает, что становление отчеств продолжается до XVII в., поскольку патроним на *-евич, -ович, -ич* 1) может не обозначать родственные связи, а лишь называть сторонников того или иного князя: *приспѣша великие князи Олгердовичи поклонитися и послужити: князь Андрей Полоцкий <...>, братъ его – князь Дмитрий Брянский* (КБ, 116); 2) используется по отношению к нескольким лицам одновременно: *Совокупившися Ярославичи: Изяславъ, Святъславъ и Всеволодъ* (ПВЛ, 194); *князь великий Юрий <...> поиде къ Ярославлю, <...> а съ нимъ сыновци его Константиновичи Василко, Всеволодъ и Вълодимеръ* (ТЛ, 164); 3) выступает как в постпозиции, так и в препозиции к личному имени: *Иванъ Всеволодичъ; Всеволодичъ Василий;* 4) функционирует на дистанции от имени: *Мъстиславъ князь великий Романовичъ* (ТЛ, 156); *у князя Васильа у Юрьевича* (СЛС, 412); 5) может использоваться как изолированное наименование: *Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославличихъ* (ПВЛ, 194); *братиа же его, Ослядюковичъ и вси людие <...> слезы излияша* (ТЛ, 164); 6) может обозначать родственные связи по деду («дедичество»): *Володимеръ Рурикович Ростиславлича* (ТЛ, 152), *Данило Романович Мстиславича* (ТЛ, 154) и др.

Патронимы с суффиксами *ов, -ев, -ин* мотивировались как прозвищными именами (*Левъ Морозовъ* (Кул., 124), *Иванъ Старковъ* (СЛС, 418)), так и каноническими (*Григорий Протасьев* (СЛС, 412), *Афонасей Андронниковъ* (Смут., 156), *Иван Микитин* (Моск., 388)). Они идентифицировали лица с большей точностью, дифференцировали тезок: *Кузьма Грузов* (Моск., 390) и *Кузма Григорьевъ* (Моск., 390); *Никита Ларивонов* (Моск., 377) и *Никита Беклемишев* (Моск., 398), при этом одновременно указывая на отца именуемого лица: *Микула Васильевъ, сын тысяцкого* (Кул., 124), *князь Михаил, Олельков сын* (Моск., 380), *Кирил Иванов сын Макарьин* (Моск., 380). Известно, что последующее развитие таких антропонимических формул могло идти в разных направлениях, и материал летописей это подтверждает. Формы на *-евич, -ович, -ич*, образованные от личных имён, трансформировались, прежде всего, в современные отчества: *князь Феодор Юрьевич Шуйский, Семен Иванович Морозов, боярин Петр Никитич Шереметев, князь Михаил Васильевич Скопин*. Однако иногда из них образуются русские фамилии на *-ович, -евич*, обычно восходящие к «дедичествам», и летописный дискурс тоже содержит потенциальные формулы такого именования: *Михайла Иванов Акинфович* (сын Ивана Акинфовича) (Кул., 124); *Тимофей Васильевич Акатьевич* (сын Василия Акатьевича) (Кул., 124).

Если патронимы были производны от неканонических имён-прозваний, то на их основе впоследствии возникали фамилии независимо от особенностей структуры: *Александръ Попович, Левъ Морозовъ, Дмитрий Монастырев, Матвей Селезнев, Михаил Скопин* и др. Исследователи считают, что такие именования стали фамилиями, так как позволяли отличать именуемого не только в составе семьи или в составе родственников, но и в обществе в целом [10, с. 75]. Если же патронимы, в том числе «дедичество», образовывались от канонических имён (*Назар Данилов Кусакова* (Кул., 118), *Никита Ларивонов* (Моск., 377), *Кузма Григорьевъ* (Моск., 390), *Кирил Иванов сын Макарьин* (Моск., 380), *Никита Константинов сын Бровцын* (СЛС, 434), *Григорий Васильевич сын Гльбов* (СЛС, 420), то их развитие могло иметь два пути. Во-первых,

патронимы могли превращаться в отчества специфической формы (при этом иногда сочетались со словом *сын*). Формы отчеств на *-ов*, *-ев* («полуотчества») были широко распространены в истории русского антропонимикона в качестве официальных вплоть до XIX в. [6, с. 154]. Во-вторых, патронимы-«дедичества» тоже становились фамилиями: *Кирилл Иванович Макарьин*, *Григорий Васильевич Глебов*.

В. К. Чичагов отмечал, что в XV–XVII вв. «в государственной официальной письменности была тенденция именовать людей более полно: не двухчленными наименованиями, а трехчленными» [10, с. 65]. Стандартная современная формула именования у русских тоже трёхчленная, кроме имени и отчества, она включает еще и фамилию. Именованье с фамилией была официально узаконено для дворян в XVII в., при Петре I, однако в летописном дискурсе зачатки русских фамилий отмечаются на всём протяжении его функционирования. Не исключено, что фамилии появились именно для идентификации и дифференциации лиц, описываемых в летописях. Кроме названных выше сочетаний имён с патронимами, отметим другие формулы именования в летописях, на наш взгляд сыгравшие важную роль в становлении русских фамилий.

Как прототипы будущих фамилий на *-ский*, складывающихся именно в летописном дискурсе, правомерно рассматривать именованья по «уделу» – городу, в котором княжит именуемое лицо. Такие именованья распространяются для дифференциации князей-тёзок в период удельной Руси: в летописных повестях XIII в. фиксируются антропонимы *Мстиславъ Черниговский*, *Мстиславъ Киевский*, *Мстиславъ Торопичский*; *Юрий Несвѣжский*, *Юрий Рязанский* и др.; в XIV в. – *Дмитрей Суждальский* (Пьян., 88), *Дмитрей Брянский* (Кул., 116); *Олег Рязанский* (Кул., 112); в XV в. – *Дмитрей Заозерский* (СЛС, 418) и др. Если летописец объединяет сразу несколько способов идентификации князя, то в тексте возникают трехкомпонентные формулы, схожие с современными трехчленными структурами русского антропонимикона: *Давид Ингоревич Муромской*, *Гльб Ингоревич Коломенской* (Ряз., 196), *Михайло Всеволодичъ Черниговский* (ТЛ, 172), *Иван Михайлович Тверской* (СЛС, 410); *Василей Васильевичъ Суздальский* (СЛС, 436) и т.п. Будущие фамилии можно видеть и в антропонимических комплексах, состоящих из личного имени и дигнитонима: *Мьстиславъ Удатный*, *Олег Красный*. Дифференциации носителей одинаковых имён служили также прозвища: *Мьстиславъ Немый* (ТЛ, 156), князь *Василей Горбатой* (Моск., 380), *посол Борис Сльпець* (Моск., 380), *Владимер Долгорукой* (Смут., 154). Включение в такой комплекс патронима-отчества вело к возникновению в летописном дискурсе стандартной трехкомпонентной антропонимической формулы: князь *Александръ Ярославич Невский* (Смут., 152); князь *Феодор Давидович Пестрый* (СЛС, 412), князь *Василий Юрьевич Косой* (СЛС, 412). Отмечены и другие антропонимические формулы, каждая из которых может быть предметом отдельного исследования: *Мстиславъ Романович Ростиславича Киевский*, *Василей Иванович Жук Лыков*, *Борис Тютшев Сльпець*, *Ондрѣй Троянов Порѣцкий Бѣлорусец*, *Борисов человек Сльпцов Мигунъ* и др.

Всестороннего анализа в летописном дискурсе заслуживает и прагматика антропонимов, так как материал летописей представляет интересные свидетельства отражения в именовании человека его социального и возрастного статуса, его отношения к месту жительства, характерных черт его внешности и даже оценку его как личности. Однако, поскольку в содержании летописей представлена социальная и политическая история общества, имя прежде всего отражает социальный статус лица. Наблюдения над использованием имён в летописном дискурсе свидетельствуют, что складывание трехкомпонентной формулы именования, характерной для русской культуры, проходило под значительным влиянием летописания, так как в его текстах не только отражалась, но и закреплялась объективно существующая в Древней Руси социально-этикетная традиция именования лица с указанием на его родственные связи, восходя-

щая к культуре родового общества [6, с. 153]. Идентификация лица исконно могла быть многоступенчатой, с включением целой цепи имён-патронимов (отчества, «дедичества»), указаний на прадеда и прапрадеда): *Мьстиславъ Романовичъ Киевский, внук Ростиславъ Мьстиславича, сына Владимирова Манамахова* (ТЛ, 156). Очевидно, именно с этой традицией именованья в древнерусском языке уже на рубеже XI–XII вв. закрепился славянизм *именитый* в значении ‘почтенный, уважаемый, знатный’ [17, с. 227]. В его структуре примечательно наличие суффикса *-ит-* с этимологическим значением ‘обладающий в большой степени чем-либо’. Следовательно, *именитый* – это имеющий возможность назвать как можно больше имён славных предков, подчеркнуть свою родовитость. В контексте летописей именованье с упоминанием как минимум отца не случайно: оно неизменно выражает социально и культурно обусловленные коннотативные смысловые компоненты ‘почтение’, ‘уважение’. Этим объясняется обязательное использование двухкомпонентных имён по отношению не только к князьям, но и к воеводам, боярам, другим знатым людям. Об устойчивости и непрерывности такой традиции именованья свидетельствует объединение в двухкомпонентные формулы генетически разнородных имен (славянских и скандинавских, славянских и канонических, канонических и тюркских) в летописях XIII в.: *Мьстиславъ Романович, Володимеръ Рурикович, Изяславъ Иньгваревич, Александр Ярославич, Юрий Кончакович, Семен Олюевич*. Примечательно, что по «отчеству» в тексте Тверской летописи (XIII в.) именуется и воевода: *Петр Ослядюкович, Еремъй Гльбович, Жирославъ Михайлович*. Аналогичен антропонимический материал повестей о Куликовской битве и о других событиях XIV в., где двухкомпонентную формулу последовательно репрезентируют имена князей: *князь Дмитрий Иванович* (Пьян., 90), *князь Дмитрий Костянтинович* (Пьян., 88), *князь Василей Дмитриевич* (Пьян., 90), *Федодоръ Романович* (Кул., 124) и др. Однако предавший князя Мстислава воевода *Плоскина* в тексте Тверской летописи лишён отчества. В повести о Куликовской битве выступивший на стороне Мамая рязанский князь *Олег Иванович* (Кул., 112) назван по отчеству в соответствии с литературным этикетом только в зачине повести, но в последующем тексте знаком его бесчестья и всеобщего осуждения является отсутствие патронима при имени *Олег*, вместо которого автор «награждает» отступника экспрессивными негативно оценочными эпитетами (*душегубивый* (Кул., 114), *лукавый, кровопивец христианский, новый Иуда-предатель* (Кул., 116) и т.д.).

В позднейших летописных текстах социально-оценочные смыслы появляются в патронимах, из которых формируются отчества. В именовании князей используются только формы на *-ович /-евич*, подчёркивающие уважительное отношение к носителю имени: *князь великий Дмитрий Иванович* (Пьян., 88); *князь Иван Михайлович Тверской* (СЛС, 410); *велики князь Иван Васильевич* (Моск., 376). «Укороченные» формы на *-ов, -ев* появляются в летописях с XIV в. и, выступая по отношению к лицам с более низким социальным статусом (воеводам, посадникам, богатым землевладельцам, чиновникам), актуализируют коннотативные смыслы ‘умеренная почтительность’, ‘формальное выражение почтения’: *Назар Данилов* (Вож., 94), *Яков Федоровъ* (Моск., 390), *диака, начальник именем Афонасей Андронниковъ* (Смут., 156). Выразительно выступает прагматическое содержание отчеств и «полуотчеств» в антропонимиконе Московской и Новгородской повестей о походе Ивана Грозного на Новгород: новгородский летописец использует почтительное именованье посадников Новгорода: *Дмитрий Исакович, Киприан Сергиевич* (Новг., 406), а московский – называет их в соответствии с социальным статусом подчинения по отношению к московскому царю, заявившему свои права на Новгород: *Дмитрий Исаков* (Моск., 390), *Киприан Арзубьев* (Моск., 394).

Примечательно в летописном дискурсе и употребление личных имён с коннотацией уничижительности, которые тоже выражают социальную оценку. Такие антропо-

нимы могут именоваться как лица с незначительным общественным положением (*дьяк Якушка Шачебальцов* (Моск., 382)), так и лица, не заслуживающих принадлежащего им высокого статуса, – преступников, изменников и т. п. и фиксируются в исследуемых текстах начиная с XV в.: *Повелъ князь велики имать <...> Володку Давидова* (СЛС, 430); *послаша по воровского воеводу, по Федку Плещеева* (Смут., 148); *Ложной царь и вор Матюшка* (Смут., 152) *некто Ивашко Заруцкой* (Смут., 160). Возможно, не без влияния летописных текстов в конце XVII в. в русском словаре закрепляется лексема *именишко* (*имянишко*) для обозначения уничижительного имени [17, с. 228].

Наконец, как показывают наблюдения, прагматические смыслы выражаются в летописном дискурсе не только путём сокращения формулы именования за счёт замещения отчества «полуотчеством», или устранения отчества, или использования «именишка». По-особому значимо в летописи и отсутствие всякого именования: *наимоваху злых тѣх смердовъ, убищъ, шилников и прочих безименитых мужиков, иже скотем подобни суть...* (Моск., 380). Как следует из контекста, тот, кто не заслуживает имени, не имеет права называться человеком. Показательно, что слово *безименитый* вошло в словарь русского языка XI–XVII вв. именно из летописного текста [18, с. 129].

В летописном дискурсе возможно исследование и других прагматических особенностей антропонима, однако иногда они выражены недостаточно отчётливо. Для характеристики возрастного статуса лица антропонимы мало информативны потому, что уже при рождении князя могли именоваться полным именем, даже с использованием патронима. Вместе с тем есть и факты, заслуживающие внимания. В тексте ПВЛ неоднократно фиксируется антропоним *Святоша*, идентифицирующий луцкого князя: *Святополкъ же прибѣже <...>, и с нимъ <...> Святоша, сынъ Давыдовъ Святославица* (ПВЛ, 262). Этот князь отличался особой святостью и даже принял монашеский постриг. Однако исследователи традиций именования русских князей считают, что *Святоша* – это гипокористическая форма двухосновного имени *Святославъ*. Юного князя называли *Святошей* с детства, чтобы отличить от деда Святослава Ярославича [11, с. 441–442]. Позже в антропониме *Святоша* произошла контаминация уменьшительной формы имени и прозвания набожного князя. Возможно, как детские закрепились в именовании князей и другие гипокористические имена: *Василько, Всеволодко*.

Обобщая наблюдения над развитием состава, структуры, назначения и прагматического содержания антропонимов, которые функционируют в текстах древнерусских повестей, репрезентирующих свёрнутый летописный дискурс XI–XVII вв., можно сделать общий вывод о несомненной ценности летописей как источника изучения эволюции русского антропонимикона, поскольку в нём находят отражение как объективные характеристики, присущие эволюции русского антропонимикона в языке в целом, так и специфические черты, показательные для функционирования именований лица именно в названном типе дискурса и в существенной мере обусловленные культурными, идеологическими, социальными и другими экстралингвистическими факторами.

Объективно отражая генетическую разнородность древнерусского антропонимикона, летописный дискурс, в соответствии с методом монументального историзма, в первую очередь репрезентирует имена лиц, стоящих на верху социальной лестницы. Иллюстрируя количественные сдвиги, реально происходившие в антропонимиконе Древней Руси в связи со сменой языческой и канонической антропонимических систем, летописный дискурс, вследствие идеологических установок адресанта, выявляет более высокие темпы становления канонических имён. Облигаторные функции имени в летописном дискурсе – номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая – идентичны общезыковым антропонимическим функциям, но свойственная летописям высокая концентрация имён, повторяемость династических и христианских антропонимов обуславливает в летописном дискурсе интенсивный поиск способов их дифференци-

ции и появление новых видов именования лица, антропонимических комплексов, в существенной мере подготавливающих формирование стандартной трёхчленной антропонимической формулы, свойственной русской культуре. Наконец, именно в летописном дискурсе, сохранившем исконно русские традиции имяназвания лица, восходящие к родовому строю, оформлялись, закреплялись и фиксировались прагматические характеристики русского именования (величание по отчеству, уничижительное именование лица), утверждалась мысль о необходимости ценить доброе имя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Королёва, И. А. Становление русской антропонимической системы / И. А. Королёва. // Дисс. ... доктора филолог. наук : 10.02.01 – русский язык. – М., 2000. – 387 с.
2. Ерофеева, И. В. Лингвокультурная парадигма летописного текста как отражение категорий средневекового мировоззрения / И. В. Ерофеева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского университета, 2010, № 4 (2). С. 515–518.
3. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин / Ученые записки Казанского государственного университета. Том 151, кн. 6. Гуманитарные науки. – Казань, 2009. С. 31–37.
4. Селезнева, Л. В. Исследования дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы / Л. В. Селезнева // Вестник СВФУ, 2011, том 8, № 4. – Якутск, 2011. С. 119–124.
5. Ворожбитова, А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 367 с.
6. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1970. – 180 с.
7. Сулова, А. В. О русских именах / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : Лениздат, 1991. – 220 с.
8. Ключевский, В. О. История России. Специальные курсы / В. О. Ключевский. – М. : Астрель. АСТ, 2003. – 480 с.
9. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2004. – 992 с.
10. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств, фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.) / В. К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.
11. Литвина, А. Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму топонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 904 с.
12. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1982. С. 585–688.
13. Морошкин, М. Я. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. / М. Я. Морошкин. – СПб. : Типография второго отделения императорской канцелярии, 1867. – 214 с.
14. Алексеев, С. В. Славянская Европа V–VIII веков [Электронный ресурс] / С. В. Алексеев. – М. : Вече, 2009. – Режим доступа: http://oldevrasia.ru/library/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/. – Дата доступа: 27.09.2016.
15. Пчелов, Е. В. Рюриковичи. История династии / Е. В. Пчелов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001 – 479 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв.; гл. ред С. Г. Бархударов. Вып. 13 (Опась – Отработываться) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1987. – 318 с.

17. Словарь русского языка XI–XVII вв.; гл. ред С. Г. Бархударов. Вып. 6 (З–И) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1979. – 360 с.

18. Словарь русского языка XI–XVII вв.; гл. ред С. Г. Бархударов. Вып. 1 (А–Б) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1975. – 372 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Вож. – Повесть о битве на реке Воже // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 92–95.

Кул. – Летописная повесть о Куликовской битве // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 112–131.

Моск. – Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1982. С. 376–403.

Новг. – Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1982. С. 404–409.

ПВЛ – Повесть временных лет / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. Сост. и общая ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. – М. : Художественная литература, 1978. С. 23–278.

Пьян. – Повесть о побоище на реке Пьяне // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 88–91.

Ряз. – Повесть о разорении Рязани Батыем // Летописные повести о татаро-монгольском нашествии // Памятники литературы Древней Руси: XIII век; общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 184–199.

ТЛ – Из Тверской летописи / Летописные повести о татаро-монгольском нашествии // Памятники литературы Древней Руси: XIII век; общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 148–175.

СЛС – Северный летописный свод // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1982. С. 410–443.

Смут. – Псковская летописная повесть о Смутном времени // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII века; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1987. С. 146–161.

S.A. Korolevich

The Evolution of Russian Anthroponymy in the Mirror of Chronicle Discourse

The article discusses the features of the composition, structure and functioning of personal names in Old Russian chronicle discourse. Based on the analysis of the anthroponymy of the original chronicle texts of the XI–XVII century it specifies the types of the anthroponyms at different historical stages, their genetic layers caused by the change of the anthroponymic systems. The preconditions of genesis, the peculiarities of design and distribution of the Russian patronymic and surnames are identified; the initial stages of the emergence of specific anthroponymic complexes in chronicle discourse are considered. The specific character and ways of the provision of basic anthroponymic functions at different stages of anthroponymy development are analysed. Historical factors that contribute to pragmatic characteristics of naming are determined, the connotation of some anthroponymic formulas and forms are described. The validity of using the chronicles as a source of study of the evolution of Russian anthroponymy at the initial stages of its formation is proved.